

ГРАНИ ОПЫТА В СВЕТЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРАГМАТИЗМА И ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

О.В. Ковенева¹

Прагматизм в философии

Прагматизм (от греч. «*prágma*» – дело, действие) – философское течение, возникшее в США в 1870-е гг. и оказавшее большое влияние на философию XX в. Зарождение и развитие идей прагматизма связано с именами таких ученых, как Ч. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи. В целом прагматизм можно определить как доктрину, занимающуюся «изучением мыслительных и иных структур, обеспечивающих успешность, полезность и продуктивность человеческих действий» [17, с. 244]; к центральным понятиям прагматизма относятся понятия «человеческое действие» и «опыт» [46] в их отношении к практической реализации.

Впервые исследовательская программа прагматизма была заявлена Чарльзом Пирсом (1839–1914) в статье «Как сделать наши идеи ясными» [21, с. 266–295; 60]. Напоминая традиционное для логики противопоставление «ясных» и «темных» понятий, с одной стороны, и «отчетливых» и «смутных» понятий – с другой, заведшее в силу своей неопределенности логиков в тупик, ученый подчеркивает, что основной задачей логики должно стать обучение четкому изложению мыслей. Для этого необходимо прежде всего уяснить, что конкретно представляют собой отчетливые *идеи об объектах* [21, с. 267]. Ч. Пирс предложил рассматривать объекты мысли относительно *практических следствий*, вытекающих из действий с этими объектами. Только такое понятие об объектах, учитывающее все практические действия, связанные с объектом, и их последствия, по его мнению, и является полным [21, с. 277–278]. Для

---

¹ Ковенева Ольга Владимировна – аспирант Института социологии РАН, докторант Высшей школы социальных наук (EHESS) (Группа политической и моральной социологии (GSPM), Институт Марселя Мосса, UMR 8178, Париж). Электронная почта: okoveneva@mail.ru.

дальнейшего развития прагматического течения существенна идея Ч. Пирса о том, что знание об объекте всегда остается *незавершенным* и корректируется в ходе последующего эксперимента, *опыта* [21, с. 289].

Применение подобного подхода в области исследований «культурных концептов» и их оценочных составляющих позволяет, на наш взгляд, избежать окостенелых менталистских этноцентрических позиций, согласно которым тот или иной концепт «замораживается» в виде квинтэссенции культуры. Идея о незавершенности знания позволяет подойти к концептам как к динамичным явлениям, тесно связанным с человеческим опытом и практикой.

Отдельного внимания заслуживает *семиотическая теория* Ч. Пирса [22, с. 46–74; 21, с. 162–175; 37, с. 289–336; 56, р. 41–86]. В своих работах ученый вводит понятие «интерпретант», тесно связанное с понятиями объекта и знака. Интерпретант – это не просто идея, а новый знак, возникающий в сознании человека на основе истолкования первого знака: «Знак, или репрезентант, есть нечто, что замещает (stands for) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю *интерпретантом* первого знака» [22, с. 48]. Иными словами, интерпретант – это своего рода интерпретация отношения знак / объект в последующем знаке. Согласно Пирсу, истолкование осуществляется на некотором *основании* (ground) и с определенной точки зрения: «Знак замещает собой нечто – свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая (in reference) к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (ground) репрезентанта» [22, с. 48]. Как отмечает У. Эко, под основанием Ч. Пирса понимает «*модель возможного частного опыта*», опыт, прожитый «*под определенным углом*» [37, с.299–230]. Именно *интерпретант* позволяет связать между собой Динамический и Непосредственный Объект. Динамический Объект в понимании Пирса – это реальность, определяющая знак. Непосредственный Объект – это не что иное, как «способ фокусирования Динамического Объекта» с определенной точки зрения [37, с. 304]. Иными словами, Непосредственный Объект, возникающий в процессе интерпретации, позволяет сузить Динамический Объект и представить его под определенным углом, выделяя лишь релевантные для ситуации смыслы: «*Непосредственный Объект... высвечивает соответствующий Динамический Объект лишь в некоторых отношениях*, т.е. учитывает лишь ту семантическую информацию, которая требуется для помещения данного термина в контекст» [37, с. 314]. По убеждению Пирса, каждый знак способен порождать новый знак, который в свою очередь порождает еще один знак и т. д. Таким образом, процесс интерпретации оказывается нескончаемым. На этой идее основан тезис Пирса о «*неограниченном семиозисе*» [37, с. 323–324]. Однако ученый подчеркивает, что область интерпретации того или иного знака всегда может быть сужена и

ограничена определенными рамками – рамками «универсума дискурса», рамками «возможного мира» [37, с. 316]. Подчеркнем еще раз, что объекты интерпретируют Пирса не столько с точки зрения их свойств, сколько с точки зрения опыта и практических следствий, вытекающих из их использования. Объекты для Пирса тесно связаны с практическим результатом. Даже у «неограниченного семиозиса» может быть конечный результат: «окончательный интерпретант» [37, с. 320]. Согласно Пирсу, знак, непрерывно порождая серию непосредственных реакций (эмоциональных и энергетических интерпретаций), постепенно формирует Привычку, некоторое устойчивое поведение у интерпретатора, пользователя этого знака [37, с. 321]. Это устойчивое поведение, способность действовать повторно схожим образом в схожих ситуациях, и составляет окончательный интерпретант. Таким образом, по Пирсу, «понимать знак значит (понимать и) знать, что надо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак [37, с. 321]. Заметим, однако, что окончательный интерпретант – это не «замороженная» раз и навсегда интерпретация. основополагающим принципом теории Пирса остается непрерывное обновление и возобновление опыта. Именно поэтому «окончательный интерпретант» – лишь временная данность: «Окончательный интерпретант – не окончателен в... хронологическом смысле. Семиозис умирает в каждый момент. Но, едва умерев, тут же встает из пепла, как птица Феникс» [37, с. 327].

В свете сказанного подчеркнем, что теоретико-методологические установки Пирса позволяют по-новому взглянуть на такие сложные лингвокультурологические явления, как концепты и коннотации, с которыми традиционно связываются идеи несоизмеримости, специфичности культур или неясности и трудности взаимопонимания. Ключом к разгадке природы концептов и коннотаций служит *эмпирическое наблюдение* человеческого опыта, позволяющее выйти за пределы языка как системы и проследить практические импликации тех или иных языковых явлений в реальной практике. Язык в действии или язык на практике – лишь одна из форм человеческого бытия, познать которую можно через ситуативный анализ.

Идеи Ч. Пирса были развиты и систематизированы американским философом и психологом У. Джеймсом (1842–1910). Именно благодаря его книге «Прагматизм» постулаты прагматистов получили широкую известность [9; 54]. С именем У. Джеймса связывают прежде всего прагматическую теорию истины [53]: «Мерилом истины для Джеймса служит не соответствие идеи объективному положению дел в мире, а успешность и полезность результата, достигнутого при ее практическом осуществлении» [17, с. 244]. Таким образом, истинными, по Джеймсу, являются те идеи, которые подтвердила опытная проверка (*verification, validation*) [46]. Центральным понятием философии

Джеймса является понятие *опыта*: «Джеймс исходит из признания исключительной значимости *опыта*. В своих исследованиях он обращается к конкретному – к фактам, прежде всего к действиям, к поведенческим актам (курсив наш. – О.К.), отвергая значимость абстрактных, абсолютных начал» [29, с. 171]). Как отмечает А.Г. Спиркин, подобная установка характерна не только для Джеймса, но и для прагматистов в целом: «Прагматисты, в том числе Джеймс, обвиняли всю прежнюю философию в *отрыве от жизни* (курсив наш. – О.К.), в абстрактности, в созерцательности» [29, с. 171]. По убеждению Джеймса, философия должна способствовать «созданию общего метода решения тех проблем, которые встают перед людьми в различных *жизненных ситуациях*, в потоке *постоянно меняющихся событий*» (курсив наш. – О.К.)» [29].

Наиболее основательно понятие «*опыт*» (*experience*) было развито в работах Дж. Дьюи (1859–1952) [48; 49]. По Дьюи, «опыт... есть все»; «это жизненный мир человека, многочисленные связи и взаимодействия, в которые он входит», «опыт есть то... что на бессознательном уровне задает нормы поведения; опыт – это наследие истории, культуры, цивилизации; опыт – это и результат индивидуальной жизненной практики, трансформирующей природный и социокультурный материал»; «опыт – это взаимодействие живого бытия с природным и социальным окружением человека» [38, с. 84–85]. Одним из основных постулатов теории Дьюи является *постулат непосредственного эмпиризма* [51], согласно которому вещи есть то, чем они являют себя в опыте. Соответственно, достоверное описание вещей должно предполагать описание того, как вещи испытываются в реальности: «Согласно постулату непосредственного эмпиризма, вещи... суть то, как они переживаются в опыте. Поэтому, если кто-то желает дать какой-либо вещи истинное описание, его задача заключается в том, чтобы сказать, как эта вещь переживается как сущее» [51, р. 393]. По мнению Дьюи, познание – это «инструмент приспособления человека к окружающей среде, как природной, так и социальной» [29, с. 173], а «мерило истинности теории – ее практическая работоспособность в данной жизненной ситуации» [29, с. 173].

Учитывая то, что прагматисты ставят во главу угла практику и практическое использование объекта, отдельные критики несправедливо причисляют прагматизм к теориям утилитаризма. Однако, как отмечает Деледадь, прагматисты были одними из первых, кто разоблачал материалистский (утилитаристский) уклон индустриального американского общества, упадок морали и погоню за успехом [46]. Действительно, практическая целесообразность понимается Дьюи не столько в значении выгоды и пользы, сколько в значении опытной проверки объекта на адекватность ситуации.

Опыт в таком понимании является многообразным и многогранным: это и собственно технический опыт, и моральный, и эстетический, и социальный [38, с. 85]. Как отмечал сам Дьюи, прагматизм не следует понимать как поиск

выгоды: «Я утверждаю, что термин “прагматичный” означает только правило соотнесения всего мышления, всех рефлексивных соображений с вытекающими из них следствиями для определения их смысла и проверки.... По своей природе последствия могут быть любыми – эстетическими, моральными, политическими, религиозными» ([47, р. 330] цит. по: [38, с. 91]). Однако опыт в первую очередь связан именно с природой. Опыт – это прежде всего опыт в природе: «Опыт относится к тому, что *испытывается*, – миру событий и личностей; он же обозначает *схватенность* мира в опыте, историю и судьбу человечества. Природа занимает в человеческом мире не менее значительное место, нежели человек в природе» ([48, р. 28], цит. по: [38, с. 85]).

Существенными характеристиками опыта Дьюи считает непрерывность, изменчивость, событийность: «Дьюи рассматривает каждое существование как “событие”. Событийность включает в себя изменчивость опыта, его непрерывность, эстетическую уникальность... Реальность есть не самодостаточное Бытие, а становление» [38, с. 87]. При всей своей изменчивости опыт не хаотичен, а представляет собой целостность, органическую взаимосвязь и взаимопереход социального и природного, физического и психического, индивидуального и социального [38, с. 86].

Особый интерес представляют взгляды Дьюи на *оценку и ценности* [50]. По убеждению Дьюи, ценности следует рассматривать не в *сущностном* плане, а в их ситуативном преломлении, т. е. применительно к определенной *проблемной ситуации*. При таком рассмотрении извечное противопоставление фактов и ценностей оказывается неуместным. Ценности должны исследоваться в контексте их испытания в конкретных ситуациях. Предваряя дальнейшее изложение, подчеркнем, что именно этот принцип – принцип испытания и ситуативной проверки ценностей – и был взят за основу представителями французской прагматической социологии.

Французская прагматическая социология

К истокам французской прагматической социологии: основные идеи и постулаты

Прагматическая социология – сравнительно новое направление во французских социальных науках, пришедшее в 1980-е гг. на смену «поколению враждующих мэтров 1970-х гг.»: Раймона Будона, Пьера Бурдьё, Мишеля Крозье и Алена Турена [31, с. 296]. Оно ведет свое начало с исследований в области «социологии инноваций» Бруно Латура и Мишеля Каллона (обзор см.: [16, с. 97–107]) и работ по «социологии градов» Люка Болтански и Лорана Тевено [16, с. 153–162; 2; 14; 30–33].

Как отмечает Лоран Тевено [31, с. 296–297], «социология инноваций» и «социология градов» резко демаркировались преимущественно по отношению к критической социологии Пьера Бурдьё, в отличие от других направлений сов-

ременной французской социологии, оставшихся близкими к ней. И хотя социология Латура – Каллона и социология Болтански – Тевено ощутимо отличаются друг от друга, в силу ряда общих им черт их причислили к более широкому течению в социальных науках – «прагматическому повороту» [52, с. 53–75, 215–223], в частности, к «прагматической социологии» [39].

Одним из основных пунктов в полемике Л. Болтански и Л. Тевено с Пьером Бурдьё стал вопрос о характере отношения между социальными науками и *критикой* [40, с. 15–134]. Известный французский историк науки Франсуа Досс отмечает, что критическая парадигма, одним из основных представителей которой является П. Бурдьё, «подразумевает четкое *разграничение научной и обыденной компетенции* что приводит к тому, что компетенции обычных людей и их устремления не воспринимаются социологом всерьез и рассматриваются лишь как *обман* или *иллюзия* (курсив наш. – О.К.)» [52, с. 165–166]. Завуалированные, скрытые интересы, в частности, стремление к господству, рассматриваются в критической социологии как единственно возможные мотивы поведения индивидов. А непосредственной задачей социолога, выступающего в качестве своеобразного критика-арбитра и практика подозрения, считается, соответственно, разоблачение, обнаружение скрытой реальности.

Как отмечает Л. Тевено, критическая социология выстраивает весьма специфическую картину социальной жизни, в которой *критическая способность закрепляется исключительно за ученым*, в то время как индивиды выступают то в виде своеобразных циников-стратегов [71], то в виде бессознательных существ, не ведающих, что творят. Однако способность к расчету, выстраиванию индивидуальной стратегии – не единственная человеческая способность. Наряду с ней есть также способность к различным формам совместного действия и общежития: умение дружить, любить, привязываться к близким людям и к месту проживания, достигать компромисса или критиковать, принимать общие решения, вступать в различные союзы и объединения, быть солидарными и т.д. [70].

Подчеркнем, что применение подходов критической социологии делает проблематичным исследование *ценностных ориентиров* общества, ценностных мотиваций индивидов и собственно *оценочных суждений*, поскольку социолог, по сути, «не слышит» актора и ищет за его мнимыми декларациями скрытые интересы, стратегии, холодный расчет или бессознательные действия. Не менее проблематичным выглядит и исследование *публичного конвенционального действия*. В социологии Бурдьё любые социальные отношения – и в этом смысле его позиция перекликается с позицией классиков «подозрения» К. Маркса и Ф. Ницше – рассматриваются исключительно в терминах господства и силы. При этом упускается из виду важнейшая характеристика публичного действия – его *совместный, объединяющий, общий* характер. Публичное действие предполагает способность актора к обобщению, к переходу от еди-

ничного к общему, умение обсуждать проблемы общего значения и аргументировать свою позицию с точки зрения общепринятых *ценностных ориентиров* и правил, умение участвовать в общем деле, действовать сообща.

Применение подходов социологии Бурдьё в современном российском контексте содержит в себе определенную опасность, так как невольно укрепляет идею о конфликтной природе социальных отношений (человек человеку враг), не разрабатывая в достаточной степени вопрос о том, что и как объединяет людей. Российский социолог А. Б. Гофман отмечает: «В силу более или менее известных причин сегодня в России сформировался социальный тип человека, в глазах которого вражда – явление нормальное и естественное, вечное и неизбежное, тогда как согласие – своего рода патология, отклонение от нормы. Торжество принципа “человек человеку волк” в сознании довольно быстро приводит к его реализации в практике, что мы сегодня постоянно и наблюдаем. Между тем еще раз следует подчеркнуть, подлинная социальная наука, признавая и изучая различные конфликты, в целом совсем не считает их фактором, доминирующим в сравнении с солидарностью. В известном смысле солидарность – условие *sine qua non* социальной жизни; в конце концов, прежде чем конфликтовать, люди так или иначе объединяются... Социология призвана показать, что поскольку в качестве членов общества мы связаны между собой бесчисленными узлами, поскольку мы реально обязаны друг другу (не случайна этимологическая связь этого слова со словом “обязаны”), постольку мы обязаны быть обязанными друг другу» [5, с. 103–105]. Кроме того, позиция «подозрения» приводит к укреплению циничных настроений, и без того развитых в современной России, и делает невозможной саму постановку вопроса о ценностных объединяющих началах общества. Комментируя современную российскую ситуацию, А.Б. Гофман обращает внимание на то, что «у многих российских интеллектуалов сама мысль о реальности и необходимости некоторых базовых ценностей, признаваемых в национальном масштабе, пользующихся повсеместным уважением и объединяющих разнородные социальные силы и группы, вызывает заведомо негативную реакцию» [5, с. 84]. Это объяснимо, «учитывая длительный и печальный опыт промывания мозгов россиян идеологическими машинами недавнего и далекого прошлого, сакрализации деспотической власти, культивирования всякого рода социальных мифов, в частности о светлом будущем и светлом прошлом» [5, с. 84]. Однако, по мнению ученого, необходимость поиска и исследования объединяющих ценностных начал общества особенно актуальна для современной России, где наметились дефицит доверия и развитие циничных отношений. Ведь без этих объединяющих ценностных начал «невозможны ни социальный порядок, ни социальная идентичность, ни воспроизводство социальных систем, ни социальное взаимодействие, ни эффективное функционирование государственных институтов... невозможна нормальная жизнь общества как таковая» [5, с. 85].

«Социология градов» Л. Болтански и Л. Тевено позволяет со всей серьезностью поставить вопрос не только о формах объединения людей, но и о ценностных ориентирах общества и формах оценочных суждений [32]. В полемической позиции по отношению к социологии П. Бурдьё, где критический взгляд монополизирован ученым, Болтански и Тевено в труде «Об оправдании...» [41], положившем начало их совместной исследовательской программе, выбрали в качестве объекта исследования *критическую способность самих акторов* [2], предполагающую умение *обосновывать* свою позицию с точки зрения *общезначимых принципов* и ценностей. В центре их внимания оказались ситуации публичных дебатов и споров, практики публичного обоснования. Именно поэтому «социология градов» известна также под названием «социологии критики» или «социологии оправдания».

По мнению Л. Болтански, «социологию градов» с известной степенью приближения можно отнести к *лингвистическому повороту* в социальных науках [40, р. 56]. Как отмечает Н. Копосов, «лингвистическим поворотом в историографии (и других социальных науках) обычно называют тенденцию рассматривать исторические факты и их репрезентации субъектами истории и историками с точки зрения лингвистических “протоколов”, которые отразились в этих фактах и репрезентациях» [15, с. 40]. В свою очередь, Л. Болтански [40, р. 56] подчеркивает, что в социологии этот переход ознаменовался вниманием исследователей к тому, как сами акторы вырабатывают дискурсы, описывающие социальные действия, или, согласно терминологии Поля Рикёра, вниманием исследователей к «построению сюжета» (*mise en intrigue*) [27; 63].

Во избежание поспешных ошибочных интерпретаций «социологии градов», подчеркнем, что хотя объектом анализа Л. Болтански и Л. Тевено являются оценочные суждения в публичном пространстве, авторы, в отличие от сторонников лингвистической (семиотической) парадигмы в социальных науках, принципиально отказываются сводить социокультурную реальность к языку, дискурсам или смыслам² и настаивают на необходимости придерживаться *прагматического подхода*. Как отмечает Л. Болтански, если «социологию градов» и сближает с исследованиями лингвистического поворота внимание к дискурсам и саморепрезентациям субъектов, то она все же дистанцируется от редуccionистских работ, в которых социальный мир сводится к дискурсивному порядку [40, с. 56].

В этом смысле идеи французской прагматической социологии созвучны теоретическим положениям, разработанным в рамках философской школы прагматизма. Для обоих направлений характерно внимание к реальности как к *многогранному опыту*.

² Как отмечает Н. Копосов, сторонники лингвистической парадигмы полагают, что «мир дан нам только в языке и благодаря языку, предполагается, что наши репрезентации... не репрезентируют ничего, кроме породивших их дискурсивных механизмов» [15, с. 40].

Следуя прагматическому подходу, Л. Болтански и Л. Тевено подчеркивают, что «слаженность суждения не обуславливается одним только языком», а «релевантность высказывания не сводится к вопросу о риторических фигурах» [41, р. 165]. По убеждению ученых, спорам не было бы конца, если бы они основывались только на конфронтации личностных аргументов и суждений [41, р. 165–166]. Согласно авторам, ситуации споров – «это не просто дебаты и обмен мнениями», это испытания (*épreuves*), в которые вовлечены не только люди с их телесностью, но и предметы окружающего мира, служащие опорой суждениям [41, р. 166]: «Споры не являются только вопросом языка. В споры вовлечены не только люди, но и значительное количество предметов: например, в случае профессионального спора это компьютер, данные в котором были стерты; в случае спора между наследниками – это дом или земля; или в случае домашней сцены – посуда, которую нужно вымыть и так далее. Система анализа должна быть предназначена для того, чтобы рассматривать споры реального мира, то есть описывать то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы» [2, с. 67]. Центральным элементом анализа в прагматической социологии становится *комплексная ситуация*, встреча человека с окружающим миром и другими людьми, своеобразное *испытание реальностью* (*épreuve de réalité*), в ходе которого человек *испытывает* себя и свои суждения об этом мире (о себе, об окружающих людях и вещах) на *адекватность* ситуации.

В своих работах Л. Болтански и Л. Тевено стараются, таким образом, избежать крайности тех исследователей политического действия, которые, следуя теории коммуникативного действия Хабермаса, сводят публичное пространство к публичным дебатам. Как отмечают французские социологи Даниэль Сефай и Доминик Паскье, работающие в русле прагматической социологии, понять политическое действие исключительно на основе коммуникативных и интерсубъективных моделей невозможно. Политическое действие предполагает установление, стабилизацию и институционализацию некоторого материального пространства – пространства предметов, правил, форм организации акторов, служащего опорой для реализации общественной деятельности [42, р. 13–59].

Следует также подчеркнуть, что в работах прагматической социологии идентичность человека рассматривается не как раз и навсегда зафиксированная данность, подобная *габитусу* или социальному статусу, бессознательно несомая и воспроизводимая индивидом в любых ситуациях, согласно «социальным нормам», но и не как четкая *программа* индивидуальных действий или набор *ролей*, выбираемых индивидом по желанию, подобно театральным костюмам или маскам. Речь идет о проблематичном интегрировании самых множественных форм вовлеченности в мир в ходе жизненных испытаний и жизненного пути. Как отмечает Л. Тевено, критика господства и чувство не-

справедливости обнаруживают себя как раз в тех ситуациях, когда человек старается разоблачить гегемонию неких постоянных качеств, ярлыков, закрепленных за ним или за другими людьми, когда он стремится к *переоценке, пересмотру, перепроверке* устоявшихся характеристик и свойств, иными словами, к *испытанию реальностью* [71].

Грады справедливости и миры значимости

Представив в самых общих чертах основные линии демаркации французской прагматической социологии, остановимся более подробно на модели оценочных градусов и миров, разработанной Л. Болтански и Л. Тевено. В совместном труде «Об оправдании...» [41], проводя анализ развития гуманитарных наук, исследователи предприняли попытку *переосмысления эпистемологического разрыва* социологии с политической и моральной философией. Этот исторический разрыв, оправданный в свое время стремлением к научности и необходимостью обосновать статус социологии как самостоятельной дисциплины, ничем не уступающей по своей объективности точным наукам, привел к редукции моральных *благ*, форм *добра* и принципов *справедливости*, являющихся объектом моральной философии, к «социальным нормам» – своеобразным законам человеческого поведения в обществе, подобным законам естественных наук, исследование которых стало прерогативой социолога. В результате проблема справедливости оказалась на периферии социологического знания и перестала привлекать к себе внимание социологов.

Стремясь восстановить связь между моральной и политической философией, с одной стороны, и социологией – с другой, Л. Болтански и Л. Тевено поставили перед собой задачу доказать значимость проблемы справедливости не только для философии, интересующейся «вечными вопросами» бытия, но и для социологии, исследующей конкретные формы социального взаимодействия. Целью авторов было наглядно показать, что проблема справедливости встает не только перед теоретиками-философами, разрабатывающими модели идеального общественного устройства, но и перед *обычными людьми*, пытающийся прийти к согласию в своих каждодневных практиках [41, с. 86]. Для этого необходимо было перевести вопрос о справедливости из метафизической плоскости «сущностей» и «высшей правды» в собственно прагматическую плоскость и исследовать «обыденное чувство справедливости» социологическими методами. В ситуациях реального мира «чувство правды» обнаруживает себя в социальных конфликтах и трениях, публичных спорах о справедливости того или иного положения дел, в ситуативных суждениях (*jugements en situation*) акторов о должном, ценном и значимом, высказываемых с позиции «общего мнения», а также в разоблачениях несправедливости или критике явлений, не представляющих ценности или идущих вразрез с ценностными

Таблица 1

Модель градов справедливости Л. Болтански и Л. Тевено

Философский труд	Название «града» справедливости	Высший общий принцип («общее благо»)	Формы проявления значимого качества
Блаженный Августин «О Граде Божиим»	Cité inspirée Град вдохновения	Вдохновение	Творчество, чувственность, личностный порыв, необычность, спонтанность, безудержность, восприимчивость, эмоциональность, стихийность
Боссюэ «Политика, извлеченная из Священного Писания»	Cité domestique Патриархальный град	Триада «Род – Иерархия – Традиция»	Личное доверие, тесные связи, личная зависимость, личное расположение, лояльность, иерархия, авторитет, традиционность, приверженность прошлому
Гоббс «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского»	Cité de l'opinion Град репутации	Репутация	Известность, престиж, именитость
Руссо «Об общественном договоре»	Cité civique Гражданский град	Общая воля	Коллектив, равенство, солидарность, единение, законность
Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»	Cité marchande Рыночный град	Конкуренция	Цена, обмен, товарные отношения
Сен-Симон «Организатор», «О промышленной системе» «Катехизис промышленников»	Cité industrielle Технократический град	Эффективность	Производительность, эффективность, научность, единство науки и промышленности, планирование

установками. Именно эти ситуации и стали предметом анализа Л. Болтански и Л. Тевено.

В книге «Об оправдании...» исследователи предприняли попытку смоделировать общие высшие принципы (*principes supérieurs communs*), которые могут использоваться социальными акторами для обоснования справедливости своих позиций и *возведения конкретной единичной ситуации к общезначимому*. Чтобы определить границы и содержание некоторого общего фонда представлений о высших человеческих ценностях, ученые обратились к классическим трудам моральной и политической философии (табл. 1). Тексты для анализа отбирались по следующим критериям:

- 1) текст *широко известен*;
- 2) в тексте содержатся *систематические, развернутые и аргументированные* рассуждения о значимости некоторой формы общего блага (*bien commun*), имеющего *общечеловеческое* значение, и о необходимости преодоления частных интересов во имя общего;
- 3) текст имеет *практическую* направленность и представляет собой руководство к действию, а не ограничивается утопическими рассуждениями об идеальном устройстве общества; иными словами, в тексте содержатся рассуждения о способах практического построения некоторого идеального политического и социального устройства на основе определенного высшего общего блага; текст может быть приравнен к политической программе;
- 4) текст *не ограничивается критикой*: в нем говорится не только о несправедливости того или иного социально-политического устройства, но и о том, каким мир должен быть.

Соответственно, исключались:

- 1) тексты, в которых оценочные аргументы представлены несистематически;
- 2) тексты, ориентированные не на системное представление и обоснование одной определенной формы общего блага, а на поверхностное перечисление всех возможных форм добра;
- 3) тексты-утопии;
- 4) исключительно критические, разоблачительные тексты, не предлагающие путей или принципов улучшения политической устройства.

Как отмечают сами авторы, все выбранные произведения представляют собой своеобразные «грамматики политической связи», или «политические грамматики» (*grammaire du lien politique, grammaire politique*). Иными словами, они предполагают системную фиксацию и основательное изложение *прескриптивных* правил достижения *согласия* на основе общепринятых представлений о должном, справедливом и ценном, а также обоснование определенной формы общей компетенции, требуемой от людей для достижения легитимного согласия, и обоснование определенной модели общепринятого поведения [41, с. 86, 93].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы уточнить понимание *компетенции* (*compétence*) и *грамматики* (*grammaire*) в социологии Болтански и Тевено. Изначально идея грамматики и компетенции была позаимствована французскими прагматистами из структурализма и генеративной грамматики Ноама Хомского. Однако Болтански и Тевено интерпретировали их, следуя теоретико-методологическим позициям собственного учения, т.е. перевели их из области «ментальных» и «бессознательных» структур в область «прагматического действия». Согласно Ноаму Хомскому, граммати-

ка – это некий идеальный языковой механизм, порождающий бесконечное множество возможных предложений на основе некоторого конечного набора грамматических средств и правил [44, р. 40]. Ученый, соответственно, различает глубинные структуры языка (скрытые от непосредственного восприятия и представляющие собой некий свод грамматических правил) и поверхностные структуры языка. Поверхностные структуры генерируются на основе структур глубинных. Этот процесс Н. Хомский называет трансформацией, при этом полагая, что одной глубинной структуре, содержащей в себе все возможные потенции порождения предложений, может соответствовать несколько поверхностных структур [45].

Как отмечает Сириль Лемьё, структурализм и генеративная грамматика всегда предполагают идею о двух уровнях: уровне поверхностных и уровне глубинных явлений, объясняющих явления поверхностные. В свое время течение порождающей грамматики оказало большое влияние на французскую социологию. П. Бурдьё на первых порах своих исследований также использовал понятие генеративной грамматики, рассматривая *габитус* как своего рода генеративную грамматику возможных социальных практик, однако, вскоре отказался от этого понятия, так как идеи Н. Хомского были подвергнуты критике в социальных науках [57; 58].

Существенным отличием подхода Л. Болтански и Л. Тевено к грамматике является то, что авторы не различают поверхностные и глубинные структуры. В их понимании есть лишь один уровень – уровень реальной практики, опыта и испытания. Грамматика в данном случае – не что иное, как *научное моделирование* определенного набора правил, которые используются акторами для координации своих действий и взаимодействий в реальном мире. Грамматика *не порождает* поведение и практики. Это лишь модель, представляющая в сжатом, схематичном и систематизированном виде определенные общепринятые эталонные формы поведения [41; 69; 57; 58].

В генеративной грамматике Н. Хомского под компетенцией понимается знание глубинных грамматических структур. При этом подразумевается, что грамматическая компетенция является биологической, что человек обладает уникальным даром – механизмом овладения языком и что носители языка *подсудно* и *бессознательно* владеют грамматическими правилами своего языка. Когнитивные процессы определяются глубинными структурами и являются бессознательными [44, р. 35], а компетенция противопоставляется употреблению (*performance*), т.е. действительному использованию языка в конкретных условиях [43, р. 16–17].

Если для Н. Хомского компетенция – это преимущественно языковая компетенция, владение глубинными грамматическими структурами, то в понимании Л. Болтански и Л. Тевено, компетенция – это не только когнитивное, но и прежде всего *моральное* и *практическое* качество. Это умение высказывать

универсальные оценочные суждения и координировать свои действия и взаимодействия на основе общепринятых высших принципов, проявляющееся в конкретных ситуациях [40, р. 61–62].

После этого отступления, необходимого для понимания позиции Л. Болтански и Л. Тевено, вернемся непосредственно к книге «Об оправдании...» [41]. На основе отобранных произведений классической философии исследователи разработали модель множественных *градов справедливости*, каждому из которых соответствует своя форма *общего блага*, свой специфический высший критерий оценки («высший общий принцип»), претендующий на универсальность в масштабах всего человечества. При этом всем градам свойственна общая структура: они предполагают ранжирование составляющих их элементов в зависимости от степени проявления *значимого* для данного града высшего качества, эталона (*grandeur* – буквально «величие»). Иными словами, при общей иерархической структуре упорядочения элементов от наиболее к наименее значимым внутри каждого града существует своя шкала оценок качеств людей и положения дел, своя шкала квалификаций значимых и негативных явлений. Составляющие града, обладающие наивысшей степенью проявления ценного качества, обозначаются в модели как *grands* (великие, значимые), в то время как элементы, обладающие наименьшей степенью проявления данного качества или лишенные его вовсе, – как *petits* (буквально: «маленькие, незначительные»). Схематично модель *градов справедливости* представлена в табл. 1.

Грады справедливости представляют собой *метафизические* построения, это идеальные модели социально-политического устройства. Практической же реализацией *градов* в ситуациях социальной действительности являются миры: мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, гражданский мир, рыночный мир, технократический мир. В отличие от *градов*, смоделированных на основе философских произведений, модель миров была разработана Л. Болтански и Л. Тевено на основе анализа практических пособий-руководств (табл. 2) по предпринимательской деятельности, каждое из которых было четко направлено на обоснование определенного стиля поведения в рамках предприятия, а также на основе эмпирического материала споров в современном французском обществе. В данном случае критерием отбора пособий уже не выступала их известность. Существенной была лишь общая ориентация пособия на общезначимые человеческие ценности и высшие принципы поведения, выявленные при анализе философских произведений.

Центральным понятием, связанным с *мирами*, является *испытание* (*épreuve*). Миры предполагают *испытание* высших общих принципов, действий и суждений людей на адекватность ситуации. Напомним, что согласно прагматическому подходу Л. Болтански и Л. Тевено, испытанию реальностью подвергаются не только люди, но и окружающие их вещи, квалифицирован-

Таблица 2

Модель оценочных миров Л. Болтански и Л. Тевено

Пособие по предпринимательству	Модель оценочных миров
Demory B. La créativité en pratique. P.: Chotard, 1974.	Мир вдохновения
Camusat P. Savoir-vivre et promotion. P.: Editions d'organisation, 1970.	Патриархальный мир
Schneider C. Principes et techniques des relations publiques. P.: Delmas, 1970.	Мир репутации
CFDT. Pour élire ou désigner les délégués. P.: Alsatia, 1983. CFDT. La section syndicale. P.: Alsatia, 1981.	Гражданский мир
What they don't teach you at Harvard Business School. Toronto; N. Y.: Bantam Book, 1984.	Рыночный мир
Pierrot M. Productivité et conditions de travail ; un guide diagnostic pour entrer dans l'action. P.: Entreprise moderne d'édition, 1980.	Технократический мир

ные с позиций того или иного мира. Таким образом, каждый мир характеризуется особым способом оценивания действительности. *Мир вдохновения* основан на творчестве, нонконформизме, эмоциональности, чувственности; *патриархальный мир* – на привязанности к близкому «одомашненному» пространству, уважении, иерархии, авторитете, традициях, доверии; *мир репутации* – на известности, престиже, признании; *гражданский мир* – на общей воле, солидарности, равенстве; *рыночный мир* – на цене, обмене, рыночных отношениях; *технократический мир* – на производительности, компетенции, профессионализме, научности, эффективности, планировании, организации. Это лишь самая общая характеристика миров. В действительности, каждый мир конституируется типичными объектами (прибор, товар, картина, дом и т.д.) и типичными действующими лицами (предприниматель, художник, инженер, кинозвезда, общественная организация и т.д.), квалифицированных с точки зрения того или иного высшего принципа. Соответственно, как и грады, миры предполагают иерархию людей и вещей в зависимости от степени обладания значимым качеством.

Грады представляют собой сжатые формальные модели, в то время как в мирах происходит развертывание метафизических правил и высших принципов в социальном опыте людей. Для обоснования своих позиций и аргументов в конкретных конфликтах и спорах и возведения единичной ситуации общения на уровень общезначимости люди апеллируют к высшим принципам справедливости. В конкретных ситуациях публичных споров происходит столкновение оценочных суждений различных миров, порождающее взаимную критику и разоблачение. Кроме того, возможно локальное достижение компромиссов в оценочных суждениях, т. е. комбинирование оценочных принципов различных

миров. Задача социолога-исследователя – проследить реализацию оценочных суждений и связанных с ними практик в конкретных ситуациях.

Плюрализм без релятивизма

На первый взгляд учет множественности принципов справедливости, координирующих человеческую деятельность, сближает подход Л. Болтански и Л. Тевено с концепцией *множественных сфер* справедливости Майкла Уолзера [72]. Однако было бы ошибкой уподобить эти теории. В отличие от замкнутых и несоизмеримых сфер М. Уолзера, каждая из которых представляет собой особую институцию (рынки, семьи, образовательные учреждения, структуры здравоохранения) и регулируется исключительно одним принципом³, модель миров Л. Болтански и Л. Тевено предполагает *взаимодействие* миров в рамках конкретной ситуации или социальной организации, а также *равнодоступность* и *открытость* общезначимых высших принципов всем социальным акторам. В последнем пункте концепция Л. Болтански и Л. Тевено сближается с основными постулатами Джона Ролза [61], в частности с принципом *общности* человеческой природы и соизмеримости человеческих миров.

Кроме того, модель предполагает *общие для всех миров требования*, придающие плюральным мирам соизмеримый характер и регулирующие выражение чувства справедливости или критику несправедливости в публичном пространстве. Существенное значение для модели имеет принцип «общности человеческой природы», предполагающий:

- ориентацию каждого *града и мира* на общезначимость в рамках человечества;

- возможность обращения каждого человека к множественным принципам справедливости для обоснования своих позиций.

Принцип общности человеческой природы налагает также запрет на постоянное закрепление того или иного значимого качества за индивидом. Оценочные суждения и качества, приписываемые людям, должны проходить проверку на адекватность и переоцениваться в ходе испытаний реальностью.

Прагматизм позволил французским социологам преодолеть *релятивизм ценностей*⁴, столь характерный для исследований, в которых просто фикси-

³ М. Уолзер выделяет следующие принципы справедливости : 1) каждому одно и то же (эгалитарное равенство); 2) каждому по потребностям; 3) каждому по заслугам; 4) каждому по рангу; 5) каждому по профессиональной пригодности; 6) каждому – что положено по закону. В частности, М. Уолзер настаивает на том, что в либеральном обществе медицинское обслуживание должно распределяться в соответствии с потребностью, а должности – в соответствии с заслугами и профессиональными качествами. Более подробно см. [20].

⁴ Заметим, что именно по этой причине, исследователи обычно стараются не использовать понятие «ценность», которое, на их взгляд, является сильно коннотированным в социальных науках, и предпочитают введенное ими понятие «grandeur» (буквально «величие») [64, p. 21].

руется *разнообразие* оценочных суждений, ценностей и принципов справедливости [71]. В центре внимания Л. Болтански и Л. Тевено – *не несоизмеримые и замкнутые на себе миры, а столкновение принципов различных миров и их возможные сочетания в рамках той или иной социальной организации или конкретной ситуации*. При этом под «организацией» может пониматься не только организация как «коллектив», «учреждение», «предприятие», но и организация личной жизни, ведение домашнего хозяйства, сосуществование в рамках как самого простого локального сообщества, так и общности, достигающей размеров национального государства, культурно-политического или международного сообщества [31, с. 286]. Анализ, основанный на модели миров, направлен на разложение той или иной социальной организации на составляющие элементы и выявление основных принципов ее координации.

В кросс-культурных исследованиях [55] подобный подход позволяет отойти от тезиса *несоизмеримости* культур и *относительности* культурных ценностей, питающего этноцентрические позиции, и провести *сравнительный* анализ культурных различий и сходств на основе выявления общих сквозных элементов (универсальных принципов справедливости), их комбинаций, конфликтов, различного удельного веса и значения в зависимости от культур, а также в зависимости от ситуаций общения внутри сообществ. Этот подход, основанный на постулатах прагматизма, плюрализма и общности человеческой природы, позволяет избежать крайностей культурологических и лингвокультурологических исследований, основанных на эссенциалистских и менталистских позициях и обосновывающих несоизмеримую специфичность культур и языков. Приведем пространную цитату Л. Тевено:

«Квалификация, или оценочное суждение, рассматривается нами с точки зрения прагматики действия и координирования отношений между людьми и материальным миром. Внимание к практическому испытанию, где проверке подвергается сама операция приписывания уровней величия (*grandeurs*) людям и вещам, а также внимание к материальному «оснащению» такого испытания отличают наш подход от многих других исследований в области ценностей. Рассмотрение проблемы ценностей с точки зрения множественных порядков величия имеет также большое значение для сравнительного исследования культур. Этот подход позволяет избежать релятивизма в духе Макса Вебера, и тем более – культурологического фундаментализма. В силу направленности на всеобщность и значимость для всего человечества порядки величия (*ordres de grandeur*) делают соизмеримыми культурные ценности самых разных обществ и культур и позволяют достичь при их анализе симметричного подхода. Соизмеримость ценностей и их расширение вплоть до общечеловеческого уровня особенно явно прослеживаются на следующих примерах. Независимо от тех или иных культурных особенностей технократический град нацелен на эффективность техник и методов. Рыночный град направлен на всеобщую кон-

курению в рамках мирового рынка. Град репутации, обслуживаемый, в частности, средствами массовой информации, – на “пиар” мировых знаменитостей и тиражирование мировых брендов. И наконец, гражданский град устремлен к солидарности и равенству в универсальных масштабах. Что касается патриархального мира, в котором ценятся традиции и обычаи, то на нем следует остановиться отдельно. Действительно, культурное своеобразие того или иного общества или социальной общности в значительной степени определяется его традициями и обычаями. Не случайно именно апеллирование к обычаям зачастую используется для обоснования тезиса о существовании непреодолимых различий между культурами. Тем не менее, какими бы разнородными и пестрыми ни были обычаи различных обществ в мире, все эти обычаи объединяет одна черта – направленность на патриархальный порядок величия и признание значимости традиции» [31, с. 289–290].

Разнообразие форм вовлеченности в мир

Собственные социологические изыскания Л. Тевено привели исследователя к расширению концепции градов и миров до более общей теории действия, учитывающей не только многообразие публичных форм обоснования и действия, но и менее обобщенные формы взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми. Так была разработана теория множественных режимов вовлеченности, подробно представленная в ряде работ Л. Тевено [30; 65–68; 70].

Вовлеченность в мир – это не просто субъективный смысл, представление или ценностный ориентир, определяющий то или иное квалификационное описание предметной ситуации. Вовлеченность в мир характеризуется двойной направленностью: направленностью к реальности (и в этом смысле, вовлеченность в мир – это всегда социальное действие, испытание реальностью, исход которого заранее не предрешен⁵) и направленностью к более или менее общей форме блага, определяющей оценочное суждение. Стремясь преодолеть традиционные для социальных наук бинарные противопоставления частное – публичное, индивидуальное – общественное, Л. Тевено разработал модель разноуровневых режимов вовлеченности в мир от наиболее близких форм взаимодействия человека с миром до наиболее общих и публичных:

- 1) режим публичных конвенций и публичных обоснований (*régime de justification*), соответствующий действию в публичном пространстве;
- 2) режим планового действия (*action en plan*), соответствующий индивиду и наиболее основательно разработанный в социологических теориях рационального выбора и рационального субъекта;

⁵ Здесь мы встречаем общий для прагматических исследований тезис о непрерывности и непредсказуемости человеческого опыта.

3) режим близости (*régime de familiarité, régime du proche*), соответствующий наиболее персональным формам вовлеченности в мир.

С каждым форматом вовлеченности связан свой вид оценки и своя модель деятельности. *Режим публичных обоснований* связан с высшими общими принципами, общими формами блага и предполагает публичное действие. *Режим планового действия* связан с более ограниченным благом – достижением поставленной индивидуальной цели – и основан на индивидуальном интенциональном действии, осуществляемом в соответствии с намерениями агента. Оценочные суждения, соответствующие данному уровню, предполагают оценку вещей и деятельности с точки зрения функциональности и результативности. И наконец, *режим близости* связан с наиболее тесными формами взаимодействия человека с окружающим миром. Он предполагает деятельность, направленную на приспособление к одомашненному и близкому окружению, и основан на привязанностях (не только к людям, но и к вещам). В этом режиме вещи наделяются ценностью постольку, поскольку они даруют человеку ощущение простоты и уюта в привычном мире. Соответственно, и роль языка различна в зависимости от формата вовлеченности в мир. Деятельность в *формате близости* очень часто является невербализованной, и в коммуникации большое значение приобретают привычные мимика и жесты. В свою очередь *формат публичных конвенций* предполагает умение представить свою деятельность в виде логичного и аргументированного отчета, используя конвенциональные квалификации. Что касается *функционального действия*, то оно, как правило, описывается базовым языком. Как отмечает Л. Тевено, «координация субъектов в режиме *интенционального действия* опирается на разделение субъектов и объектов в соответствии с классическим понятием действия. В отличие от своего рода “заботы”, которая управляет режимом близости и конвенциональных квалификаций, управляющих режимом оправдания, согласование в режиме интенционального действия относится к успешному выполнению регулярного действия. Базовая структура языка, с его грамматикой подлежащих, сказуемых и дополнений, хорошо соответствует этому режиму» [30, с. 102–103].

Отметим, что, вопреки распространенному в социальных науках мнению, «состояние индивида» в концепции Л. Тевено не рассматривается как первичное состояние человека. Основным качеством данного состояния является автономность, подразумевающая отрыв от близкого пространства и близких связей. Окружение в данном случае используется в качестве *функционального ресурса* (предмета стратегического выбора) для оптимального действия («режим планового действия»). А наиболее адекватной формой взаимодействия между людьми-индивидами является *контракт*, фиксирующий взаимные интересы и обязательства сторон. Однако крайней формой реализации данного режима может стать распространение инструментального отношения не толь-

Таблица 3

Режимы вовлеченности

Режим близости/Régime du proche	Плановый режим / Régime de l'action en plan	Режим публичного обоснования/ Régime de justification
Персональные формы вовлеченности в мир Удобство, уют Знакомая, привычная, приятная среда Простота Привычный мир Близкое окружение Непосредственные отношения и общение, непосредственные контакты Привязанности, близкие связи и отношения Человек, тесно вписанный в свое окружение Близкие вещи, являющиеся продолжением тела человека Приспособление к близкому пространству, обживание близкого пространства Приспособление пространства для проживания и привычного пользования У себя Поблизости Свое Забота, бережное отношение, внимание	Функциональное действие Инструментальное действие Намеренное действие, намерение, интенция Индивид, носитель проекта Автономный индивид Самостоятельный индивид Ответственный индивид Рациональный субъект Волевая и решительная личность Воля Индивидуальный план, индивидуальная цель, стратегия Стратегический рациональный выбор Расчет, планирование Взаимовыгодный контракт Функциональное схватывание реальности Среда как функциональный ресурс Отрыв от близкого пространства Функциональное использование вещей Публичное обоснование	Публичные действия Публичные акторы Конвенциональные легитимные оценки Конвенциональное поведение и взаимодействие Опосредованные отношения Общезначимые высшие принципы оценки Общие блага Общий интерес

ко на вещи, но и на окружающих людей, превращение их в орудие стратегии. Соответственно, наиболее отстраненным от близкого пространства является публичный режим вовлеченности, направленный на достижение наиболее общего блага. Схематично архитектура режимов вовлеченности Л. Тевено представлена в табл. 3.

Важно подчеркнуть, что Л. Тевено не считает режимы вовлеченности разными формами реальности, не имеющими между собой точек соприкосновения. Основным для Л. Тевено остается вопрос о взаимодействии режимов вовлеченности (как проблематичном, так и успешном), о формах перехода от одной формы вовлеченности к другой и о соотношении связанных с ними оценок и форм блага. Эта проблематика исследуется на материале французского общества и в кросс-культурном плане.

* * *

Теоретико-методологический подход к социальному действию, разработанный Л. Болтански и Л. Тевено, призывает исследователя быть внимательным к оценочным суждениям, высказываемым в публичном пространстве. Моральная составляющая социального действия представляет несомненный интерес для социологии культуры, и тем более для сравнительного исследования культур. Применение подхода Л. Болтански и Л. Тевено дает возможность выйти за рамки микроисследования, благодаря фиксации общезначимых моральных принципов, отражающих представления о справедливости в культурах двух стран. Кроме того, он позволяет избежать упрощенного сведения социальных конфликтов как к столкновению «социальных классов» или противоборствующих сторон, отстаивающих личные интересы, так и к противопоставлению власти и общественных организаций в терминах власть – гражданское общество. Будучи более нюансированным, он позволяет выявить – на основе анализа множественных форм вовлеченности акторов в публичную сферу – сквозные элементы в ценностных позициях социальных акторов. Подчеркнем, что в контексте социокультурных и политических изменений, переживаемых Россией на рубеже второго и третьего тысячелетия и сопровождающихся пересмотром прошлого и экспериментированием моделей будущего [26], проблема ценностных, структурообразующих ориентиров общества стоит особо остро.

В свою очередь теоретико-методологические ресурсы социологии *режимов вовлеченности в мир*, разработанные Л. Тевено, позволяют выявить взаимодействие и динамику и наиболее публичных, и наиболее персональных форм вовлеченности акторов в окружающее пространство. При этом становится возможным рассмотреть, какое место в публичной жизни и государственной политике отводится личностным формам вовлеченности в мир. Социологический анализ соотношения персональных и публичных форм действия представляет особый интерес в контексте современного российского общества. В ситуации непрекращающихся дебатов о проблеме гражданского общества и демократических институтов в России [1; 3; 4; 6; 10; 12; 13; 18; 19; 34–36] теоретико-методологический подход, разработанный Л. Тевено, позволяет исследовать публичность не в терминах развитости или отсталости гражданского общества, а в ее отношении к персональным и личностным формам взаимодействия со средой и людьми, а также выявить трудности, сложности и преграды, стоящие на пути к публичности, проследить трения, сочетания и возможные переходы и переключения между разноуровневыми режимами вовлеченности в мир, от наиболее близких до наиболее публичных.

Библиографический список

1. *Басина Е.* Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55640.htm>)
2. *Болтански Л., Тевено А.* Социология критической способности / Пер. с англ. К.А. Виноградовой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3.
3. *Вайнштейн Г.* Роль гражданского общества в демократизации России: надежды и разочарования // Материалы конференции «Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы», г. Пушкин, 30 июня – 2 июля 1998 г. (<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/gutor.htm>.)
4. *Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55639.htm>)
5. *Гофман А.Б.* Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А.Б. Гофмана. М.: ГУ–ВШЭ, 2003.
6. *Гутуров В.* Гражданское общество: историческая традиция и современная Россия // Материалы конференции «Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. г. Пушкин, 30 июня – 2 июля 1998 г. (<http://www.prof.msu.ru/publ/book3/gutor.htm>)
7. *Джеймс У.* Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Республика, 2000.
8. *Джеймс У.* Воля к вере: Сборник / Пер. с англ. Послесл. Л.Е. Павловой и др. М.: Республика, 1997.
9. *Джеймс У.* Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярные лекции по философии / Пер. с англ. П. Юшкевича с приложением статьи переводчика о прагматизме. СПб.: Шиповник, 1910.
10. *Дилигенский Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55635.htm>)
11. *Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека / Пер. с англ. Л.Е. Павловой. М.: Республика, 2003.
12. *Зигерт Й.* Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). (<http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1169>)
13. *Зубов А.* Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55636.htm>)
14. *Ковенева О.В.* Тернистый путь защитника природы: экологическое действие в России и во Франции // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 2 (46).
15. *Копосов Н.* Замкнутая теория символов // Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛО, 2005.
16. *Коркюф Ф.* Множественность режимов действия у Люка Болтански и Лорана Тевено // Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.
17. Краткий философский словарь / Под ред. А.П. Алексева. М.: Проспект, 1998.

18. *Ноженко М.* Кто и как возвращает гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). (<http://www.strana-oz.ru/?numid=27&article=1176>)
19. *Пастухов В.Б.* Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Полис. 2005. № 6. (<http://www.politstudies.ru/fulltext/2005/6/5.htm>)
20. *Печерская Н.В.* Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2.
21. *Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.
22. *Пирс Ч.С.* Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В.В. Кирющенко и М.В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000.
23. *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма / Пер. с англ., предисл. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-та. СПбГУ; Алетейя, 2000.
24. *Пирс Ч.С.* Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 г. / Пер. с англ. Д.Г. Лахути, М.Д. Лахути, С.О. Кузнецов М.: ИЦ РГГУ, 2005.
25. *Поговорим о гражданском обществе* // Хроника социологических наблюдений / Под ред. Т. Воронцовой, М. Каневской. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2001.
26. *Прохорова И.* (ред.) 1990 год: Опыт изучения недавней истории // Новое литературное обозрение. 2007. № 1–2 (83–84). Спец. выпуск.
27. *Рикёр П.* Время и рассказ / Пер. с фр. Т.В. Славко. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000.
28. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2002.
29. *Спиркин А.Г.* Ч. Пирс. У. Джемс. Дж. Дьюи // Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2005.
30. *Тевено А.* Какой дорогой идти? Моральная сложность обустроенного человечества / Пер. с англ. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3 (3).
31. *Тевено А.* Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности / Пер. с фр. О.В. Ковеневой // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. 2006.
32. *Тевено А.* Наука вместе жить в этом мире / Пер. с фр. Д. Калугина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 3 (35).
33. *Тевено А.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой / Пер. с фр. А.Д. Хлопина // Социологический журнал. 2006. № 1/2, 3/4. (<http://sj.obliq.ru/article/645>)
34. *Хлопин А.* Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. 1997 (осень). Т. 2. № 4. (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55638.htm>)
35. *Шмидт Д.* Гражданское общество в России – проблематичное, мифичное или просто другое? // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 39 (1). (<http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=25011345>)

36. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1.
37. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. М.: Симпозиум, 2005.
38. Юлина Н.С. Джон Дьюи // Философы XX века. М.: Искусство – XXI век, 2004. Кн. 1.
39. Bénatouil T. Critique et pragmatique en sociologie : quelques principes de lecture // Annales HSS. 1999. № 2.
40. Boltanski L. Ce dont les gens sont capables // Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action. P.: Métailié, 1990.
41. Boltanski L., Thévenot L. De la Justification: Les économies de la grandeur. P.: Gallimard, 1991.
42. Cefaï D., Pasquier D. Les sens du public. Publics politiques, publics médiatiques. P.: PUF, 2003.
43. Chomsky N. Aspects de la théorie syntaxique. P.: Seuil, 1971.
44. Chomsky N. Réflexions sur le langage. P.: Flammarion, 1981.
45. Chomsky N. Structures syntaxiques. P.: Seuil, 1979.
46. Deledalle G. Le pragmatisme // Encyclopaedia Universalis France SA; version multimédia № 9, 2003 [электронный ресурс, мультимедиа-энциклопедия, 6 электрон. опт. дисков, CD-ROM PC]
47. Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago: University of Chicago, 1916.
48. Dewey J. Experience and Nature. Chicago: Open Court, 1925.
49. Dewey J. Reality as Experience // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1906. Vol. 3. № 10.
50. Dewey J. Some Questions About Value // The Journal of Philosophy. 1944 (August). Vol. 41. № 17.
51. Dewey J. The Postulate of Immediate Empiricism // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1905. Vol. 2. № 15.
52. Dosse F. L'empire du sens. L'humanisation des sciences humaines. P.: la Découverte & Syros, 1997.
53. James W. L'idée de vérité (The Meaning of Truth, 1909). P.: Flammarion, 1913.
54. James W. Le pragmatisme (Pragmatism, 1907). P.: Flammarion, 1968.
55. Lamont M., Thévenot L. (eds). Rethinking Comparative Cultural Sociology. Repertoires of Evaluation in France and the United States / Cambridge Cultural Social Studies (series editors: Jeffrey C. Alexander and Steven Seidman). Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
56. Latraverse F. La pragmatique: histoire et critique. Bruxelles: Pierre Margada, 1987.
57. Lemieux C. La grammaire et l'évidence naturelle: l'argument transcendantal: Séminaire «Attentes normatives et sociologie de l'action. La notion de grammaire». Séance du 16 janvier 2006. P.: EHESS, 2006.
58. Lemieux C. Usages du terme «grammaire» en sciences sociales. Grammaire et compréhension sociologique: Cours du 9 janvier 2006 assuré par C. Lemieux dans le

- cadre du séminaire doctoral «Attentes normatives et sociologie de l'action: la notion de grammaire». P.: EHESS, 2006.
59. *Nachi M.* Introduction à la sociologie pragmatique. Vers un nouveau «style» sociologique? P.: Armand Colin, 2006.
  60. *Peirce C.S.* How to Make Our Ideas Clear // *Popular Science Monthly*. 1878. №12. (<http://www.peirce.org/writings/p119.html>)
  61. *Rawls J.* A Theory of Justice. Oxford: Oxford University Press, 1973.
  62. *Ricœur P.* Du texte à l'action. P.: Seuil, 1986.
  63. *Ricœur P.* Temps et récit. T. 1. P.: Seuil, 1983.
  64. *Thévenot L.* A l'épreuve des grands principes // *Sciences humaines*. 1998. № 79 (janvier).
  65. *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. P.: La Découverte, 2006.
  66. *Thévenot L.* L'action comme engagement // Barbier J.-M. (éd.) L'analyse de la singularité de l'action. P.: PUF, 2000.
  67. *Thévenot L.* L'action en plan // *Sociologie du travail*. 1995. Vol. 37. № 3.
  68. *Thévenot L.* Le régime de familiarité: des choses en personnes // *Genèses*. 1994. № 17 (sept.).
  69. *Thévenot L.* Les grammaires du commun. Philosophies politiques: Cours du 12 janvier 2004 assuré par L. Thévenot dans le cadre du séminaire doctoral «Formes de l'action et du jugement: chose publique, choses privées» / Ecole des Hautes Etudes en sciences sociales. P., 2004.
  70. *Thévenot L.* The Two Bodies of May 68: in Common, in Person // Sica A., Turner St. (eds.) *The Disobedient Generation: '68ers and the Transformation of Social Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
  71. *Thévenot L.* Un pluralisme sans relativisme? Théories et pratiques du sens de la justice // Affichard J., Foucauld J.-B. de (dir.) *Justice sociale et inégalités*. P.: Esprit, 1992.
  72. *Walzer M.* *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. N.Y.: Basis Books, 1983.